
2036:
REBOOT
КНИГА ВТОРАЯ
КОНЦЕРТ
Марши
2036
GAME OVER
Ищю атца...
адет в чорную
парку...
Памагите!
ВМЕСТЕ
МЫ СИЛЬНЕЕ
ЧИСТАЯ
ПЛАНЕТА
СЧАСТЛИВЫЕ
ДЕТИ
ПУНКТ
ОБОГРЕВА
800 метров
18+
ДЕНИС СЕДОВ

Денис Седов
2036: REBOOT

https://litres.ru/74706217
SelfPub; 2026

Аннотация

Система не убивает. Она просто перестаёт отвечать.

2036 год. Небо закрыто серой пеленой, солнца нет, лето обернулось зимой. Ресурсы достаются только центрам, где живут избранные. Остальные девяносто пять процентов человечества остались одни: без подсказок, без навигации, без браслетов и чипов, которые знали за них всё.

Когда в тайге пропадает автобус с тридцатью двумя детьми, искать его некому. Кроме стариков, которые ещё помнят, как жить руками. И егеря-москвича, которому кто-то подсказал дорогу.

Игра окончена. Пора перезагружаться.

Содержание

Глава 1. Серые зайцы 4
Конец ознакомительного фрагмента. 14

Денис Седов
2036: REBOOT

Глава 1. Серые зайцы

Термометр за окном показывал минус двадцать один.

Десятый день. Иша называл эту отметку, когда раскладывал мне конец света по дням: минус двадцать, города начинают остывать, вода в трубах замерзает. Про заимки он ничего не сказал. Заимки в его расчёты не входили.

Рассвета не было. Небо по утрам выцветало до того серого света, какой бывает зимой часа в четыре, когда вечер только собирается. И на этом останавливалось. Так теперь выглядел день: длинный, летний, с семи утра до девяти вечера — и света в нём ровно столько, чтобы различить забор и кромку леса. На тени его уже не хватало. Ночь приходила тогда, когда в июне положено начинаться вечеру, и приходила сразу, без сумерек. Свет не гас. Его выключали.

В сарае гудел генератор. Панели на крыше третьи сутки стояли под снегом, и чистить их я не стал: солнцу нечем было их кормить. Дизель я считал каждый вечер карандашом в старой тетради. Из пятисот сорока литров, что я налил в первый день, уже ушла пара канистр, и никакая арифметика не превращала остаток в годы.

Гарнитура лежала на полке у двери. На пятый день я перестал её надевать, на шестой снова сунул в ухо на ночь и проснулся с ней — пустой, без единого щелчка. Иша молчал с того самого утра, когда ушёл в систему. Мы договорились ждать до утра. Утро вышло длиною в девять дней.

За десять лет я привык к его голосу сильнее, чем думал. Теперь ловил себя на том, что задаю вопрос вслух — сколько на улице, что с дорогой, — и жду ответа в пустом доме.

Рон лежал у печи, вытянув лапы. Услышал, как я ставлю кружку, поднял голову, но вставать не стал. В последнее время он вообще поднимался тяжелее — сначала передние лапы, потом, с вздохом, всё остальное.

Я присел рядом и запустил руку ему в загривок. Шерсть оказалась летняя: короткая, жёсткая, без подпушка. Хаски в такой шубе в июне в самый раз. При минус двадцати — нет.

Я провёл ладонью против шерсти и остановился. У самой кожи, под остью, пальцы нашли мягкое — тонкий, едва наметившийся пух. Линька началась. Не по календарю, а по свету: света не стало, и собачье тело решило, что пришла осень. Тело не ошиблось. Оно даже опоздало.

— Вот так, братишка. И тебя мы, люди, в тупик загнали. Жил себе, никого не трогал, а теперь ломай привычки посреди лета.

Рон вздохнул и положил морду мне на колено.

— Сегодня дома посидишь. Я сам поохочусь. Тебе сначала шкуру сменить надо, а то околеешь.

Слов он не понял. Зато понял, что я снимаю с гвоздя «Бекас» и не беру поводок. Провожал меня глазами от печи до самой двери и отвернулся к стене, демонстративно. Старый уже, а обижаться так и не разучился.

Снег лёг на третий день — сразу, без положенного перехода, как и обещал Ефим Петрович у магазина. Теперь его насыпало по колено, сухого и скрипучего, январского.

Лес стоял в ледяных оковах. Берёзы не успели сбросить листву: мороз прихватил её живой, и она висела тёмными сморщенными тряпками, гремела на ветру, как жесть. Хвоя держалась лучше, но и у сосен иглы потускнели. Из-под снега торчали стебли иван-чая, ещё зелёные, с нераскрывшимися бутонами.

Лето никуда не ушло. Его заморозили на ходу.

Я шёл вдоль ручья по памяти, держась старой тропы к вырубке. Ручей ещё бормотал подо льдом, с каждым днём глуше. Дыхание оседало инеем на воротнике, ресницы слипались. В таком свете глаз терял рельеф: сугроб и яма выглядели одинаково, и дважды я проваливался там, где ждал твёрдого.

Первого зайца я заметил метров за сорок. Беляк сидел у края вырубки, на открытом, и даже не прятался. Серо-бурый, летний, на белом он смотрелся кляксой. Зимой я бы прошёл мимо в десяти шагах: беляк в январе — это ком снега с двумя чёрными кончиками ушей и глазами-бусинками. Этого было видно через всю поляну.

Я поднял ружьё. Выстрел ушёл в лес и вернулся эхом от склона.

Второго я взял у осинника. Третий выскочил почти из-под ног и сделал ошибку — замер, надеясь на свою шубу. Шуба его предала. Четвёртого и пятого я нашёл на покосе: они вдвоём грызли кору с поваленной осины и подпустили меня так близко, как зайцы не подпускают никогда. Голод оказался сильнее страха.

Пять зайцев за неполный час. Раньше я считал удачей одного за день.

Я связал их за задние лапы и закинул через плечо. На обратном пути тянула не ноша — тянуло другое, чему я не сразу нашёл имя. А когда нашёл, радость от добычи уже не вернулась.

Это была не охота. Лес выставил своих зверей на белое, как на прилавок, и ничего не мог с этим поделать. Зайцам менять шубу ещё месяц. У них не было этого месяца. И если это понял я, то волки и лисы поняли раньше меня.

Мороз брал своё. Пальцы в перчатках деревенели, и я перевесил ружьё на ремень, а руки сунул в карманы. Зайцы на плече костенели на ходу. Ледник мне теперь не требовался: весь мир стал ледником.

Снегоходы я услышал раньше, чем увидел дом.

Моторы не ехали, а урчали на холостых где-то у моего забора. Я сбавил шаг и снял ружьё с плеча. За десять дней такая привычка появилась сама: чужой звук — сначала руки,

потом голова.

Из-за последних сосен открылся двор. У калитки стояли три снегохода и сани-волокуша, у крыльца топтались четверо. Рон за дверью заходился лаем, но не злым. Так он лаял на своих.

Первым я узнал Ефима Петровича — по тулупу и ушанке с одним ухом, второе он потерял ещё до моего появления в этих краях. Рядом сутулился Серёга с заправки, тощий, в куртке на два размера больше. Третьего я знал по мастерской: Михалыч, автомеханик, с которым мы здоровались у магазина в первый день. Четвёртый был молодой, лет двадцати пяти, в дорогом горнолыжном комбинезоне. Он держался в стороне и всё время трогал висок там, где под кожей сидел чип.

— Николай! — Ефим Петрович поднял руку. — Мы тут… к тебе мы.

— Вижу, что ко мне. Давно стоите?

— Да с полчаса, — отозвался Серёга. — Михалыч говорит — уехал он, а я говорю — куда он уедет, дым же из трубы. Дым же идёт.

Михалыч кивнул на зайцев:

— Это за сколько ты их?

— За час.

— Ну дела… Даже полинять не успели, а для этого месяц нужен.

— Нет у них месяца.

Я открыл дверь. Рон вылетел на крыльцо, обнюхал всех по очереди, ткнулся носом в тулуп Ефима Петровича, задержался у молодого — тот отшатнулся — и вернулся ко мне.

— Заходите. Чай поставлю.

В доме они не сразу нашли, куда себя деть. Ефим Петрович снял ушанку и мял её в руках. Серёга присел на край лавки, готовый в любую секунду вскочить. Михалыч прошёл к печи и протянул к ней ладони. Молодой остался у двери.

— Тимофей, — кивнул на него Ефим Петрович. — Наш, устькоксинский. Инженер. Ну… был.

— Я и сейчас инженер, — сказал Тимофей. На последнем слоге голос у него сорвался.

— Да какая теперь разница… — Ефим Петрович махнул рукой и сам же смутился. — Ты не обижайся, Тимоха. Я ж не в том смысле.

Тимофей не ответил. Пальцы снова полезли к виску.

Я поставил чайник на плиту печи. Электричество я берёг: генератор работал на свет и насос, и тратить запасы дизеля на чай я не стал.

— Николай, — начал Ефим Петрович. — Ты в первый день у магазина сказал про холод. Над тобой смеялись. А ты правый оказался. Так вот… — Он покрутил ушанку. — Скажи как есть. Сколько это всё продлится?

Все четверо ждали. Даже Михалыч обернулся от печи.

Я мог сказать «не знаю», и это оказалось бы почти правдой. Мог сказать «до весны» — и они уехали бы отсюда лег-

че, и жгли бы дрова в расчёте на весну.

— Годы.

Серёга выпрямился на лавке. Михалыч снова повернулся к огню. Тимофей сделал шаг от двери и замер.

— Как — годы? — переспросил Ефим Петрович.

— Так. То, что наверху висит, за зиму не осядет. Может, два года, может, больше. Солнце будет, но вот такое. — Я кивнул на окно. — Летом как сейчас. Зимой хуже.

— А ты откуда знаешь?

Тимофей спросил резко, почти зло, и не дал мне ответить:

— Откуда ты вообще всё знаешь? У тебя даже чипа нет! У меня доступ был ко всему, понимаешь, ко всему, и я ничего не знал. Ничего! А ты знал. В первый же день. Откуда?

— Тимоха, — не оборачиваясь, сказал Ефим Петрович.

— Нет, пусть объяснит!

— Знаю, — ответил я. — Тебе этого мало?

Он открыл рот, но так и не нашёлся, что сказать. Отвернулся к окну, и я заметил, что руки у него дрожат. Не от злости.

— Годы, — вполголоса повторил Серёга, уставившись в пол. — У меня картошки в погребе на зиму. На одну. А в этом году что выкопали за три дня — молодая вся, сколько она пролежит.

— У всех на одну, — сказал Михалыч печке.

— Значит, надо на две. — Ефим Петрович положил ушанку на стол и разгладил её ладонью, как скатерть. — Мать мне

рассказывала, как после войны жили. И ничего, жили. Лес есть, река есть. Руки есть.

— Лес-то замёрз, Петрович.

— Лес спит. Зверь в нём есть — вон, Николай за час пятерых принёс. Дрова есть. Это нынешние без кнопки шагу ступить не могут, а мы…

Он осёкся и покосился на Тимофея. Тот стоял спиной и ничего не сказал.

Я разлил чай. Кружек на всех не хватило, и Серёге досталась полулитровая банка. Он обхватил её обеими ладонями и не пил, а грел пальцы.

— Мы ведь не за этим приехали, — вдруг сказал он. — Ну, не только за этим.

Ефим Петрович вздохнул:

— Говори уж. Твоё же дитё.

Серёга поставил банку на стол.

— Алёнка моя в лагере была. В «Кедровом», за перевалом. Девять лет ей. В тот день, когда небо… ну, ты понял. Их домой отправили. Автобусом. Тридцать два ребёнка с наших сёл. Вожатая с ними, девчонка совсем. И дед Аким наш, с Нижней улицы. Он там сторожем нанимался на смену, пока дети там. Вот с ними и возвращался.

Говорил он ровно, без запинок. Эти слова он повторил уже столько раз — жене, соседям, себе по ночам, — что они стёрлись до гладкого.

— Автобус на автопилоте, — вставил Михалыч. — Води-

телей уж лет пять как не сажают.

— Не доехали они. Утром вышли и не доехали. Из лагеря до нас четыре часа. А прошло десять дней.

— Мы искали, — сказал Ефим Петрович. — Каждый день искали. Трассу до перевала прошли и за перевал. Все отвороты, какие знаем. Тимоха маршрут достать хотел, у него ж чип…

— Нет маршрута.

Тимофей так и стоял лицом к окну.

— Связь есть. В том-то и дело, что есть! Сеть видно, чип в порядке. Я запрос шлю — и ничего. Раз в сутки приходит ответ, всегда один и тот же: «Система недоступна. Повторите запрос позже». И всё. — Он ударил себя ладонью по виску, потом ещё раз, сильнее. — Всю жизнь спросил — получил. А теперь «повторите позже», и я даже не знаю, как детей искать. Я инженер, и я не знаю, как…

Голос у него поднялся и сломался. Михалыч отошёл от печи и положил ему руку на плечо. Тимофей руку не сбросил.

— У всех так, — сказал Михалыч. — У всех прошитых. Моя тоже раз в сутки вскинется: пришло, мол, недоступна. В школе народ уже по часам сидит, ждёт. Вдруг на этот раз ответит.

— Не ответит, — глухо сказал Тимофей.

— Позавчера решили больше бензин не жечь, — сказал Серёга. — Что осталось — на школу, там теперь пункт обогрева, народ там. Это мы к тебе на последнем. — Он поднял

на меня глаза. — Коля. Ты в этом понимаешь. Ты раньше всех всё знал. Мне не надо знать, откуда. Найти их помоги. Пожалуйста.

Ефим Петрович разглядывал свои руки, тяжёлые, в трещинах от мазута. Михалыч не снимал ладони с плеча Тимофея. За окном серый свет уже густел к ночи.

Я не знал, где автобус. У меня не было ни карты, ни сервиса, ни чипа. У меня была гарнитура, которая молчала девять дней.

— Приеду до школы утром, — сказал я. — Приготовьтесь с бензином, сколько наскребёте. И соберите по посёлку детское зимнее. Всё, что есть: валенки, шубы, одеяла.

Серёга подался вперёд:

— Ты знаешь, где они?

— Нет. Утром буду знать.

Зачем я это сказал, сам не понял. Наверное, потому что человеку, который держит полулитровую банку как последнее тёплое, что у него осталось, ничего другого не скажешь.

Уехали они перед самой темнотой. Фары снегоходов свернули к реке, и ночь упала сразу, как падала теперь каждый вечер.

Я разделал зайцев, тушки вынес в сарай, шкурки растянул сохнуть

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.